

СЕРГЕЙ КОРОТКОВ

В ТАКОЙ СТРАНЕ Я ЖИЛ И СЧАСТЛИВ БЫЛ...

* * *

Это яблоньки деревенские,
Эти хмурые купола,
Эти Мценски и эти Энски...
И Москва бы без вас не жила.

И с буграми моя и с воронками,
Словно хата, чиста на юру.
Солнце красное спелой смородиной
Чуть качается на ветру.

Озари изумрудной лампадою
Бесконечные эти углы,
Чтоб воскресли с весеннею радугой
Обмороженные стволы.

Там струятся дымки самосадные,
Там похмелье бежит со двора,
Там и тучи такие громадные,
Что их рвать на знамёна пора!

КОРОТКОВ Сергей Иванович родился в 1948 году в Северной Осетии, в прошлом веке посещал знаменитое литературное объединение "Трёхгорка", где руководителем был Вадим Кожин, учился на ВЛК у Юрия Кузнецова. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в среднерусской деревне.

* * *

В той стороне, где бегал босиком
И где во рву купался, словно в чане,
Я помню — над заснеженным леском
Сияло солнце жаркими очами.

И в доме Чудотворец на стене
По вечерам мерцал в лампадном свете,
И холодом тянуло из сеней,
Где паучок свои раскинул сети.

В разбитой церкви жили снегири.
Они кормились мёрзлой рябиной.
И это было, что ни говори,
Воистину Рождественской картиной.

Там в синей дымкеплыли города
И трубами высокими дымили,
Всю ночь Полярная невестилась звезда
Во всей своей красе и тайной силе.

В такой стране я жил и счастлив был.
Она меня ничем не обделила.
Но я из смертной чаши пригубил,
И знанье это сердце опалило.

* * *

Если Родина в чёрном, то в оба гляди —
Совершают набег мировые хазары.
Покупатели душ разложили товары
И пришедших продать прижимают к груди.

Русь моя! Молодая монашка вины.
Свет глубинный в очах, словно солнце за лесом,
Ты зовёшь синеву над тобою не-бесом.
Долго ль бесам кружить у заветной стены?

Да и эти, багровые, там за стеной —
Что им вещая плаха из Книг Голубиных?
Деды их распинали тебя на осинах,
Проходя над страной, словно вихрь ледяной.

Но прости. Знаю я — ты живёшь без обид
И несёшь свою чашу, как дар обручальный,
Ты зовёшь эти ямы равниной печальной,
Ибо образ твой втопан, но дух не убит.

Роковая, высокая статья твоя может
Мир зловестья с орбиты столкнуть навсегда.
Как они тебя жаждут, как сроки итожат!
Но ты в чёрном стоишь, как в колодце вода.

* * *

Там, где проволока звенела,
Как хрустальная, на ветру.
Прострелили мне брненное тело
И в душе продолбили дыру.

И в отверстие это ночами
Наметает колючий снег.
Так согрей меня, Мать, лучами
Твоих полноводных рек.

Пусть мне жить осталось немного,
Пусть я бражник и чифирист.
Попроси для меня у Бога
Долю тех, кто душою чист.

Выезжал я с колымской пустыни,
Руки кровью не обагрив.
И меня провожал свет синий,
Как весною бывает залив.

И меня провожала братия,
Покорёженная, как и я.
Защити же нас, Божия Матерь.
А у Господа воля своя.

* * *

Я пройду растроченный, как радость,
По людскому колкому жнивью.
Знать, душе ещё не отрыдалось
Под молитву первую твою.
Значит, там, за жёлтыми буграми,
Будет мне и царство, и весна.
Крест окна. Звезда в оконной раме.
Ты и я у синего окна.

* * *

Анне Ремизовой

Об одном я прошу Господина небес:
Чтобы смог я уйти, не растратив любви,
Чтобы губ моих бледных предсмертный разрез
Прошептал те слова, что поют соловьи.
Переводчик, отгадчик, я внимал соловьям,
Что в черёмухе сердца звенели весной.
Вот и осень прошла, и зима по пятам,
Всё равно соловьиная песня со мной,
Всё равно ваши лица — как листья в воде,
Из родимого леса — Господня краса.
Вы, познавшие крестную муку в труде,
Это ваши меня согревают сердца.
И покуда я жив, эту связь не прерву,
А уйду — значит, пылью останусь в стезе.
И когда запоёт соловейко во рву,
Дайте волю горячей и чистой слезе.

* * *

Берёзы, поседевшие от вьюг,
Хранят в глубинах голоса былые.
Игла еловая скребёт предвечный круг.
И не смолкают песни фронтовые.

Мой мальчик, ты ещё так легкокрыл,
И что тебе истории укусы!
Но прадед твой победный лик узрил,
Когда был, в сущности, мальчишкою безусым.

Удар ответный... Сколько их потом —
До самого Берлина путь-дорога.
Солдат, он возвратился в отчий дом,
И кроме Родины не знал иного бога.

Вы бросились судить его? Не вам,
Погрязшим в суете сует базарной,
Ходить с усмешкой по его следам
С пустой душой и рифмою бездарной.

Да, он прошёл нетореной тропой,
Да, он загнал коней в пылу погони.
Но он остался той большой горой,
С которой белый свет — как на ладони.

Смотри, идёт согбенный человек.
Но как он тянет за собою нить стальную!
Ведь это он спасал двадцатый век
И заслонил собой страну родную.

Я знаю, мальчик мой, у той межи
Есть монумент. В нём и твои усилья.
Спасибо тем, кто камень положил
У рубежа спасения России.

Я мог бы их назвать по именам.
Они живут, сердца свои сжигая.
Но жизнь прошла иголкой по устам,
К молчанью скорбному поэта призывая.

* * *

Смотрит Россия больными глазами,
В душу глядит неспроста.
Ветрено, ветрено под небесами,
Очень глухие места.

Где-то опять человека раздели
И пригвоздили к кресту.
Мы-то своих схоронили, отпели —
Что нам кричать в темноту...

Лучше затанем мы песню ватажью,
Грянем дружнее, братья!
Ох, и попили мы кровушку вражью
Вместо студёной воды.

В страшном бою том — известное дело —
Много и нас полегло.
Зря, что ли, Матушка-Русь побелела,
Словно её замело.

А как растаяли злые сугробы,
Глянули мы — вот-те крест —
Братья лежали единой утробы,
Жители нынешних мест.

Смотрит Россия большими глазами,
В душу глядит неспроста.
Ветрено, ветрено под небесами
Возле большого креста.

* * *

Молчи! Ни слова о России!
Уже заношены до дыр
Её одежды восковые,
Её пурпуровый подир.

Туман ли, снег чело сокрыли...
И за спиною, как петля,
Её обугленные крылья,
Её холодная земля.

Но есть в сердцах предмет священный,
Хранимый Богом про запас,
От злобы черни современной,
От страсти, что бушует в нас.

* * *

Важность и ценность творческой работы Сергея Короткова состоит в том, что лирический характер, являющийся так или иначе во всех его произведениях, — это истинно героический характер, притом героика в данном случае всецело естественна, органична, неподдельна.

Едва ли можно оспорить, что в нынешней поэзии преобладает атмосфера растерянности, отчаяния, даже своего рода “пораженчества” (разумеется, я говорю не обо всех современных поэтах, но именно об их преобладающем большинстве). Сергей Коротков отнюдь не закрывает глаза на всю тяжесть, всю горечь сегодняшнего бытия, но его произведения всегда в той или иной степени проникнуты уверенностью в победе — и, повторю, вовсе не искусственно сконструированной, нарочитой, а исходящей из самых глубин духа; основная интонация его стихотворений, если воспользоваться давним определением, скорбно-победна.

Вадим Кожин